

концепцию идеократического государства, которая будет, по их мнению, определяющей государственной структурой на мировой политической арене XX в.

Евразийство внесло немалый вклад в научный анализ государственно-политических структур XX в. Его оценка тоталитарного государства заслуживает в этом смысле самого пристального внимания. Евразийцы первые попытались исследовать природу фашизма, и их социальное чутье оказалось здесь пророческим, ибо в 20-е годы национал-социалистическая диктатура не обозначилась на политическом горизонте Германии, а сталинская диктатура еще только начала складываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела обрести отчетливо тоталитарный облик, тем более ценно предвидение евразийцев о том, что в России складывается национал-большевизм.

Некоторые деятели русской эмиграции, как, например, один из лидеров кадетов И. Гессен, склонны были проводить параллели между евразийством и итальянскими чернорубашечниками, говоря, что и тем и другим присущи геополитические имперские амбиции и националистический дух. И. Гессен утверждал, что евразийство возникло как правое движение, а затем все ближе сходилась с левым большевизмом (ленинизмом). Эсер же В. Руднев упрекал в 1927 г. евразийцев в созерцательном отношении к красному террору, говоря о том, что их интересует только способность большевиков управлять государством (со ссылкой на книгу Н. Алексеева «На путях к будущей России. Советский строй и его политические возможности» — Париж, 1927).

Однако стремление к внимательному и объективному анализу не означает близость. Евразийство попыталось дать историческую оценку большевизма как объективно существующей реальности, и такой исторический взгляд на вещи был более ценен, чем интеллектуальная спесь иных эмигрантских кругов, считавших большевиков не более чем «варварами».

Евразийцы первые предприняли попытку объективного анализа большевизма и фашизма, усмотрев определенный параллелизм в социально-политической структуре обеих доктрин. Они яснее других видели ни с чем не сравнимую роль идеологии в фашистском и коммунистическом государстве. И они вполне отдавали себе отчет, что преодоление этой идеологии возможно только на путях овладения механизмом формирования государства идеократии, основанного на власти идей.

Евразийцы осознавали всю бесперспективность вооруженной борьбы с большевизмом. Опыт гражданской войны убеждал их в том, что большевизм, опирающийся на волю народа, нельзя устранить силой оружия. Но идеократия уродливо тоталитарного типа (большевистская, фашистская) должна была, по их мнению, неизбежно смениться идеократией подлинной, основанной на идее гражданского и национального согласия, пронизывающей все слои общества. Они стремились к возрождению национального величия России через ее религиозное обновление, и соборность Древней Руси была для них примером гражданского единения. Идеократия мыслилась ими как наднациональное государство, и это обстоятельство как раз и проглядели те поверхностные полемисты, которые торопились навесить евразийству националистические ярлыки.

Против такого рода одномерных оценок особенно возражал Н. С. Трубецкой, говоря, что традиционные идеологии — правые и левые — потерпели фиаско, что нужны новые идеологии, к каковым он относил евразийство, которое в действительности ни левое, ни правое, ибо находится в другой плоскости отсчета. Отстаивая духовные, экономические и политические преимущества объединенной Евразии, евразийцы стремились к поиску утерянных корней, к восстановлению того культурогенного национально-исторического кода, который разрушало тотальное нашествие социального ультраавангардизма с его культом всеобщего тотального преобразования и преклонением перед технократией и внепочвенным социальным экспериментаторством.

Евразийство продолжило и развило идеи культурной морфологии, впервые поставленные Н. Я. Данилевским, согласно которым нет универсальной культуры, в частности, не существует универсальности западной культуры. Историософия